

Оппозиция «цивилизация – варварство», ее истоки и эволюция

В.И. Спиридонова

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье проанализирована трансформация первоначально нейтрального античного смысла дихотомии «цивилизация – варварство», ставшей сегодня актуальной для обоснования разделения государств по степени усвоения ими «стандарта цивилизации», в качестве которого признается европейская модель развития. Основные черты стереотипа раскола между цивилизацией и варварством, который оформился в римскую эпоху, сохранились до настоящего времени. Посыл «цивилизационного превосходства» европейской культуры сопровождается моральным обесцениванием иных цивилизаций, превращая варвара во врага цивилизации с ярко выраженным расистским оттенком. Сама цивилизация рассматривается как «прививка» в процессе миссионерства. Формулируется концепт «восточного варварства», сопряженного с понятиями «terra nullis» и врожденного иррационального поведения населения этих стран, что предопределяет возможность захвата территорий для «более рационального» управления ресурсами. Эта деятельность исторически сопровождается колонизацией, а в современном мире – силовыми формами «продвижения демократии». В рамках оппозиции «цивилизация – варварство» западные страны обречены на подражательство и вечное отставание, раскалывающее единство общества и рождающее внутреннее варварство социальной вражды, зависимость и второсортность «европеизированной» нации. Константа европейского наставничества эволюционировала от опеки до создания современных структур внешнего управления, которое предусматривает обучение местных элит, призванных в дальнейшем реформировать культурные модели поведения внутри страны. Сложилось представление о том, что мир делится на сферы, в первом круге которых располагается прогрессивный цивилизованный европейский мир, за ним следует ряд стран, близких по структуре и ценностям к европейской модели, а далее господствуют варварство и дикость. В современном варианте эта теория повторяется в терминологии разделения государств на «премодерные», государства модерна и постмодерна.

Ключевые слова: цивилизация, варварство, евроцентризм, миссионерство, «цивилизационное превосходство», «восточное варварство», неокOLONиализм.

Спиридонова Валерия Игоревна – доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН.

vspirid@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6774-7203>

Для цитирования: Спиридонова В.И. Опозиция «цивилизация – варварство», ее истоки и эволюция // Философские науки. 2020. Т. 63. № 2. С. 27–45. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-2-27-45

The Dichotomy of Civilization and Barbarism: Its Origins and Evolution

V.I. Spiridonova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article researches the historical transformation of the dichotomy of civilization and barbarism, which originally in ancient Greece did not have a pejorative connotation. This dichotomy has become relevant today to justify the classification of states according to their degree of acceptance of “civilization standards,” which are understood as the standards of the European model of development. The main features of the stereotype of the divide between civilization and barbarism, which took shape in the Roman era, have survived to the present. The premise of “civilizational superiority” of European culture is accompanied by a moral depreciation of other civilizations, turning a barbarian into an enemy of civilization with an explicit racist connotation. Civilization itself is seen as a “vaccination” in the process of missionary work. There emerges the concept of “Eastern barbarism,” coupled with the concepts of terra nullis and the innate irrational behavior of the population of these countries, which justify the seizing of territories for a “more rational” resource management. This activity is historically accompanied by colonization and, in the modern world, by forceful forms of “promoting democracy.” According to the logic of the divide between civilization and barbarism, non-Western countries are doomed to imitate and perpetually fall behind, which causes the disunity of society and internal hostility of “second-rate Europeanized” nations. The Western mentoring has transformed from protectorate to the creation of governance structures that are headed by Western-educated local elites and are designed to change

the cultural patterns of society. There was a conception that the world is divided into spheres, in the first circle of which there is a progressive civilized European world, followed by a number of countries similar in structure and values to the European model, and then there is a sphere of barbarism and backwardness. In the contemporary version, this theory presumes the division of states into “pre-modern,” modern, and post-modern states. In the conclusion, it is noted that this divide contradicts to the humane essence of culture and civilization process.

Keywords: civilization, barbarism, Eurocentrism, messianism, civilizational superiority, “Eastern barbarism”, neocolonialism.

Valeria I. Spiridonova – D.Sc. in Philosophy, Chief Researcher Fellow, Head of the Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

vspirid@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6774-7203>

For citation: Spiridonova V.I. (2020) The Dichotomy of Civilization and Barbarism: Its Origins and Evolution. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 2, pp. 27–45.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-2-27-45

Введение

В конце XX – начале XXI столетия цивилизационный дискурс обогатился старой-новой дихотомией «цивилизация – варварство», которая предполагает своеобразный кастинг народов. Оценка и отбор претендентов на цивилизованность производится самоназванным «жюри», которое составляют прогрессивные европейские нации. Остальные народы и страны они делят, по крайней мере, на две группы: те, кто стремится приблизиться к их ценностям и модели развития, и те, которые плохо усваивают модус цивилизованности и потому обозначаются как «варварские». При более детальном анализе в общей формулировке проблемы выделяется особый ракурс. Речь идет о существовании некоего образца, представленного евро-американской моделью развития, которая является универсальной и которая должна быть усвоена всеми остальными этносами. В зависимости от степени приближенности к этому паттерну и выстраивается, масштабируется шкала «цивилизация – варварство». Поскольку в основе западной модели

лежит линейная идея прогресса, то современная теория предлагает своеобразную «меру» цивилизованности – так называемый «стандарт цивилизации». Последний, хотя и не имеет строго количественных характеристик, включает в себя ряд общечеловеческих ценностей, обязательных для вхождения в цивилизованный мир. Это – прежде всего демократические процедуры выборов, соблюдение прав человека, приоритет индивидуального частного статуса над коллективным. В реальном политическом процессе эти черты трактуются весьма произвольно, особенно на фоне трансформации глобализации в однополярную структуру гегемонистского типа. В рамках «однополярного момента» [Mélendri 2016, 450], по выражению западных исследователей (т.е. момента, наступившего после крушения СССР), США как единственная мировая сверхдержава после окончания Холодной войны получает безоговорочное право в арбитраже по разделению стран на «цивилизованные страны» и «страны-варвары», используя для этого такие новые дефиниции, производные от идеологии Нового мирового порядка как «страны-изгои», «страны-разбойники», «страны с девиантным поведением» [Фукуяма 2006, 168–169].

Трансформация дихотомии «цивилизация – варварство»

В истории западной мысли оппозиция «цивилизация – варварство» существует со времен Античности. Однако она не всегда имела столь отчетливую идеологическую коннотацию, какую получила в современной мировой политике. Для современной ситуации характерным является прежде всего моральное уничтожение противника (или любого, не входящего в круг «цивилизованных»), его диффамация, дискредитация, часто использующие средства фейковых манипуляций. Древнегреческой мысли не было присуще моральное обесценивание других цивилизаций [Mattéi 2004]. Более того, как свидетельствуют тексты Платона, греки восхваляли древность и величие предшествующих им варварских культур. Так, Платон охотно признает наличие мудрости у египтян, хотя и не отрицает превосходства греков. В диалоге «Тимей» повествование о культовой для греков войне между Афинами и Атлантидой вложено

в уста египетского жреца Саиса, варвара и представителя иной цивилизации [Платон 1994а, 426–430].

Понятие «варварская цивилизация» в этот период имело значение иного наречия у этноса или государства. Это вовсе не означало, что варварские цивилизации не могут быть частью всемирного Логоса. В диалоге «Кратил» Платон утверждает, что язык варваров может быть столь же значим для мирового Логоса, как и язык греков. Устами Сократа он соглашается с тем, что «определенная правильность имен прирождена и эллинам, и варварам, всем одна и та же» [Платон 1990, 613]. Более того, поскольку Логос является для греков сущностным понятием, это высказывание Сократа означает, что допустимо объективное равноправие тех и других народов – подобно тому, как «орудие будет правильным, сделает ли его кто-то здесь или у варваров» [Платон 1990, 621]. Более того, можно наблюдать утверждение идеи Справедливости для всех в его высказывании о том, что нечто может считаться варварским просто из-за человеческого неведения и недостаточной осведомленности, а вовсе не потому, что это нечто является качеством, органически присущим варварам. Из этого признания следует, что в строго логическом плане фактическое разделение человечества между греками и варварами оказывается неоправданным. Нельзя, заключает Платон в «Политике», разделить человеческий род пополам, «выделяя из всех народов эллинов», а остальным бесчисленным племенам дать «одну и ту же кличку “варваров”», будто все они единообразны [Платон 1994б, 9]. Это, по мнению Платона, столь же нелепо, как если бы кто-то вздумал разделить числа на два вида. При этом выделил число десять тысяч как один их вид, а все остальные числа отнес к другому виду. Правильное основание для подобного деления – это, к примеру, деление на четные и нечетные числа, исключаящее необоснованное преимущество какого-то одного числа или группы чисел.

Отвергая онтологическое разделение между греками и варварами и, следовательно, потенциально между свободными людьми и рабами, Платон первым проложил путь к признанию истинной универсальности человеческого рода как всечеловечности, как равноценности каждой из составных частей всеоб-

щего целого. Однако по прошествии веков в той же европейской мысли, почитающей себя наследницей идей Платона, это, казалось бы, этически и логически безупречное антропологическое равенство не раз оборачивалось демонстрацией цивилизационного превосходства одного народа над всеми остальными в полном соответствии с тем, что было представлено Платоном как неправомочное заблуждение.

Исторически раскол между цивилизацией и варварством, который в перспективе станет основным антропологическим стереотипом в истории Европы, начал утверждаться во времена Древнего Рима. Объективным основанием для этого послужила сама имперская форма существования римского государства. Латинское понятие варварства сформировалось как обозначение внешних сил разрушения, угрожающих целостности Римской империи, – тех народы, которые не поддаются ассимиляции и тем самым создают преграду единству империи, а, следовательно, становятся ее врагами. Возникает насущная необходимость отгеснения этой внешней угрозы от сообщества цивилизованных людей, а порою даже потребность истреблять часть человеческого сообщества ради собственного спасения и выживания.

Важным новшеством римского сознания является формирование понятия границы как такого явления, которое отделяет цивилизованный Запад от варварских орд (по аналогии с Великой Китайской стеной, защищавшей Срединную империю от варварства гуннов). На границе Римской империи возводятся специфические укрепленные рубежи, которые получают название «лимес» и представляют собой фундаментальные сооружения – валы или стены со сторожевыми башнями, охраняемые легионерами. Граничащие с лимесом провинции стали называться лимитрофами. Этот своеобразный феномен римской эпохи удержался в сознании европейцев и трансформировался в понимание себя в качестве Центра и «цивилизованного острова», «колыбели цивилизации», окруженной варварами. Лимитрофные образования, к которым сегодня относят, например, страны Восточной Европы, стали устойчивой фигурой на мировой шахматной доске. Они используются

в качестве «буферной зоны» разными сторонами конфликта и в разных ситуациях. Но устойчивым остается одно – их «пограничность» либо между двумя мирами (капиталистическим и социалистическим), либо между позициями тех «центров силы», сверхдержав, которые являются главными соперниками в каждый конкретный период исторического действия.

Следует отметить еще один момент, рожденный в римскую эпоху, но сохранивший свою актуальность до сего дня. Он восходит к разграничению римлянами двух типов варварства, оформленных географически. Первое – северное, обусловленное столкновениями с германскими и скандинавскими племенами, – ассоциировалось ими с «жесткостью» и «насилием». Второе – восточное, или азиатское, – в европейском сознании представлено образами чувственности, развращенности, иллюзий и иррациональности, которые в совокупности обозначаются как «пустота». Этот момент важен с точки зрения последующего исторического отношения к восточным регионам как к «terra nullis» – землям, которые потенциально пусты, а значит, представляют собой ресурс для завоевания и захвата. Трактовка понятия «terra nullis» менялась конкретно-исторически, но преобладающим аргументом было воззрение, что это – пространства, если даже и населенные людьми, то такими, которые не способны на рациональное использование своих территориальных природных богатств. Подобная характеристика в глазах рационального западного человека является достаточным основанием для того, чтобы присваивать эти «ничейные земли» или же управлять населяющими их неполноценными народами, распоряжаясь их ресурсами. Иными словами, формируется квинтэссенция идеологии колонизации. «Восточный» абрис «пустоты», никчемности, иррациональности в дальнейшем будет соотноситься не только с восточными землями, но и с Новым Светом, а также с Африкой, которая станет поставщиком рабов для цивилизованной Америки, и, наконец, с Латинской Америкой – «зоной исключительных интересов» США, согласно доктрине Монро. Все эти коннотации в процессе исторического развития «обогащают» словарь «варварства» и аргументацию действий против «варварских народов». В не-

дажней российской современности мы были свидетелями некоторых высказываний европейских лидеров о «несправедливом» обладании огромными природными ресурсами Россией, которая якобы неспособна использовать их рационально. На этом основании предлагался вывод о том, что богатства российских недр должны принадлежать всему человечеству, а распоряжаться ими должны истинно цивилизованные нации.

«Восточная» интерпретация варварства Римом послужила толчком к еще одной важной характеристике грядущей европейской цивилизации, претендующей на модель для развития всего остального человечества. Дело в том, что «размягченность» восточного бытия идентифицировалась европейцами с ленью и слабостью, и как следствие, нежеланием и неумением совершенствовать приобретенные достижения европейской культуры. Формируется мнение, что сама суть цивилизации держится на способности к преодолению, на тяге к совершенству. Последние состоят в том, чтобы с помощью разума и закона, образования и политики извлечь из человека максимум его возможностей. На этом фоне восточная незаинтересованность в напряженном совершенствовании признается несомненным признаком варварства. Это замечание важно, если напомнить, что все нынешние упреки «восточным» варварам, в том числе России, призваны создать в массовом сознании западного обывателя такой образ этих народов, в котором преобладающими чертами являются лень, праздность, порочность, уклонение от труда, тяга к архаике в быту, отставание от «прогресса». Соблазняясь пиршествами и последними достижениями технической цивилизации, одновременно не желая и не умея их совершенствовать, такие народы, по логике европейца, остаются навеки «рабами» по своему складу ума и образу жизни.

В римскую эпоху закладывается еще одна важная особенность, которая сегодня получила свое развитие. Это – восприятие цивилизации как «прививки», которую осуществляет миссионер от цивилизации по отношению к народам, находящимся в «бесформенном состоянии». Европейский мир ощущает свое призвание в том, чтобы цивилизовать

остальное человечество, т.е. привить ему стремление жить по-европейски. То, что такое важнейшее достижение современности, как «продвижение демократии», нередко принимает формы военного вторжения и разрушения привычного уклада жизни других народов, мало что меняют в телеологии «прививки» цивилизации.

Даже христианская «прививка», которая, по замыслу, должна была разрушить последнюю преграду на пути экстраполяции дихотомии «цивилизация – варварство», в итоге превратилась в миссию «белого человека» и обрела свою завершенную форму в фигуре индийского, африканского, латиноамериканского колонизатора. Фундаментом христианского духовного переворота была сентенция из Послания к Колоссянам Библии, где говорится: «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем – Христос» (Кол. 3:11). Однако эта духовная христианская революция, которая, казалось бы, открыла «внутреннего человека», т.е. фигуру, способную уравнивать всех, навязчиво преобразуется в импульс европоцентризма. Уже в средневековой Европе переосмысливается христианская универсалистская заповедь о том, что Иисус завещал заботиться обо всем «стаде человеческом», часть которого составляли язычники и неверные. Этот тезис обернулся благословением на «спасение» варваров во имя Господне для их же блага, не исключаяющее военные и принудительные меры обращения нехристиан, в том числе их физическое истребление во время Крестовых походов.

Подытоживая эволюцию исторического процесса трансформации пары «цивилизация – варварство», французский политический философ Жан-Франсуа Маттеи, профессор университета Париж-Сорбонна, пишет: «Императорский Рим был мертв, языческий Рим обращен, рождается христианский Рим, а за ним – вся Европа, а затем и мир, отныне открытый для обращения варварства в цивилизацию» [Mattéi 2004]. Таким образом, европейский эгоцентризм предлагает *urbi et orbi* – формулу существования, в которой Запад воспринимает себя как «мир-концепцию» (*concept-monde*), т.е. как модель *окончательного целеполагания* развития всего человечества [Diène 2009].

От варварства до расизма

Европейский эгоцентризм, который тщательно исследовал еще в 1920 г. Н.С. Трубецкой в своей знаменитой работе «Европа и человечество», сегодня превратился в непререкаемый постулат об универсальности европейской модели цивилизации – единственной не подлежащей сомнению, «идеальной» модели развития всех народов планеты. Сопутствующими элементами европейского прогрессизма стали мессианство, предписанное едва ли не самим Создателем, и комплекс превосходства над другими народами. Однако для обоснования «идеального образа самих себя» [Элиас 2001, 22] европейцы переосмыслили древнюю дихотомию «цивилизация – варварство». Некогда нейтральное понятие «варвар» – βάρβαρος, означавшее лишь человека, плохо изъяснявшегося на греческом наречии, или в предельном варианте представлявшего того, кто не восприимчив к λόγος (что означало невозможность ведения с ним рационального диалога), превратилось сегодня в понимание варвара как врага цивилизации. В отличие от дикаря, который является человеком природы и потому с момента создания социальных отношений прекращает свое существование, варвар, как пишет М. Фуко, «это человек, который не может быть понят и охарактеризован сам по себе, он может быть определен только по отношению к цивилизации, то есть как нечто, находящееся вне ее... Варвар это всегда человек, который топчется у государственных границ, тот, кто уперся в городские стены» [Фуко 2005, 209]. Варвар проникает в цивилизацию, чтобы ее разрушить, захватить ее достижения, присвоить собственность, ему не принадлежащую по праву.

Если дикарь воспринимается исторически как фигура, стоящая ниже цивилизации, то варвар – это синоним угрозы, фигура, противостоящая цивилизации. Более того, начиная с 1980-х гг. – времени нарастания иммиграционной волны на европейском континенте (в том числе из исламских регионов) и вследствие этого понятийного сближения рассматриваемых феноменов с риторикой варварских вторжений – речь идет уже скорее о «цивилизационной войне», предсказанной концепцией о «столкновении цивилизаций».

Французский социолог, профессор Университета Париж VII Фабрис Дюм провел исследование процесса изменения лексики, касающейся понятия «варварство». С этой целью он использовал издания французских медиа, формирующие общественное мнение. В результате Дюм отметил, что именно с 1980 г. понимание варварства стало ассоциироваться с широким кругом отрицательных характеристик [Dhume 2019]. Рисуется образ силы, которая чаще всего именуется Ордой, приходит с Востока из недр Империи, сея «затяжной хаос» и «угрожая цивилизованному раю». Варвары такого рода связаны в представлениях людей с примитивной культурой, с насилием, с желанием подорвать правопорядок, на котором исторически стоит цивилизация. В этом отношении варварство представляет нулевую ступень цивилизации. Но в отличие от экзотического дикаря, который тоже рассматривался как досоциальное явление и легко менял свою свободу на блага цивилизации, варвар несет угрозу самому существованию цивилизации, как о том писал М. Фуко.

Современный дискурс варварства/цивилизации изобретает фигуру осажденного Запада. Последний предстает как узкая полоска хрупкого социального порядка, тонкая пленка высокой культуры, которой грозит полное уничтожение со стороны примитивных народов. На этом мощном живописном полотне США «возвышаются как Новый Рим, как единственный подлинный источник могущества, способный сдержать напор варваров» [Dhume 2019]. Тема Западного мира как «осажденного острова», который может быть потоплен в океане варварского терроризма, настойчиво повторяется с 1970-х гг. Этому лейтмотиву сопутствует рефрен о пассивном поведении цивилизации перед лицом новой угрозы, который заканчивается призывами прекратить пиратские действия с помощью силы и военных действий. Фабрис Дюм подчеркивает, что чрезмерный акцент на угрозе нового варварства имеет четко выраженный расистский оттенок и выполняет известную в истории роль «внутреннего врага», призванного консолидировать нацию, которая переживает кризис. Это – иновариант призыва к идентификационной войне во имя цивилизации, испытывающей вну-

тренные проблемы, одна из которых еще недавно была связана с социальной критикой реально существующих трудностей, с которыми столкнулись промышленный капитализм и индивидуалистическое общество. Их разрушительные последствия получили название «технизированного варварства». Сегодня эти действительно насущные изъяны современности маскируются явлением мифологизированных «варваров», которые стремятся погубить цивилизацию.

Формирование социального «внутреннего варварства»

Н.С. Трубецкой в своей знаменитой книге «Европа и человечество», написанной еще в начале прошлого столетия, детально исследуя соотношение и эволюцию понятий «цивилизация – варварство», убедительно показал, что эта искусственно созданная дихотомия призвана возвысить европейскую модель развития и убедить все человечество в том, что все народы неминуемо должны следовать за европейцами, чтобы удержаться в категории развитых наций. Одновременно он показал порочность и тупиковый исход такого подражания для тех, кто следует этой логике.

В частности, Н.С. Трубецкой предугадал состояние вечного отставания стран, которые, отказавшись от поиска собственной идентичности, изберут путь подражания «романо-германским народам», как тогда именовалась европейская парадигма прогресса. Такие народы он называл «европеизированными». Народ, вставший на этот путь, с неизбежностью принимает европейские оценки самого себя как единственно верные, признает непреодолимое превосходство европейцев над собой, перестает уважать свое национальное бытие, более того, приучается презирать все свое, самобытное, национальное. Отсутствие веры в себя обрекает его быть жертвой эксплуатации, делает его «отсталость» роковым законом и в конечном счете превращает его в «этнографический материал».

Эти процессы оборачиваются тем, что в подобном «европеизированном» народе рождается феномен, который можно обозначить как «внутренняя варваризация». Дело в том, что элементы новой, неродной, неорганичной культуры усваива-

ются в разной степени как в историческом времени, так и в социальном пространстве. К примеру, каждое новое поколение интериоризирует лишь часть привитой культуры. К тому же эта пропорция, естественно, меняется в разной степени в разных группах одного поколения. При этом молодое поколение становится не только незнакомым, но чужим и далеким как для старшего поколения, так и для исконной модели родной идентичности. Во-вторых, адаптация к иной культуре происходит в разной степени в пространстве. Отметим, в столичных и крупных центрах заимствование идет интенсивнее, чем на периферии, где сильны и более органичны традиционные ценности. И, наконец, вживание в иноземную культуру поразному протекает в разных социальных классах. Более обеспеченные и заинтересованные в материальном обогащении «верхи» – будь то аристократия, буржуазия или олигархат – быстрее и глубже стремятся интегрироваться в культуру, которую они считают более прогрессивной, технологически комфортной и финансово многообещающей. Одновременно растет социальный разрыв, исходной основой которого в эпоху технической революции становится даже профессиональный принцип. Наиболее востребованные в рамках конкретной промышленной и интеллектуальной парадигмы профессии – рабочий класс в эпоху роста капитализма, менеджеры во времена НТР и административной революции, работники отрасли ИТ в цифровом мире – все подобные социальные страты получают образовательные и материальные преимущества перед остальной массой населения. Эта разница в заимствовании культурных особенностей не является нейтральной. Вместе с «новыми ценностями» перенимается и высокомерное отношение к тем группам населения, которые «не успевают за прогрессом» и к которым начинают относиться как к дикарям, варварам, в лучшем случае – как отсталым провинциалам, «себянам», париям, «плебсу».

Понятно, что такой прогрессирующий социально-культурный диссонанс лишает общество единства, солидарности, ведет к росту социального напряжения и, в конечном счете, ко все возрастающей отсталости данного социума от «прогрессивного

образца». «Одним из самых тяжелых последствий европеизации является уничтожение национального единства, расчленение национального тела европеизированного народа», замечает Н.С. Трубецкой [Трубецкой 1995, 93].

Под маской модернизации скрывается ситуация вечной зависимости, неотступной подражательности, безнадежного технологического и социального отставания, и, по сути, второсортности данного народа. Более того, такой народ оказывается в положении воспроизводства постоянной внутренней разделенности, которая во внешнем поведении одних слоев народа против других слоев того же народа оборачивается новым варварством. Успешная часть населения считает себя «избранной», элитарной, высшей по отношению к остальному большинству, воспринимаемому как варварское, нецивилизованное, дикое.

Попытки такого «европеизированного» народа вырваться из заколдованного круга «догоняющей модернизации» через скачки «взрывного» ритмичного развития не дают ему спокойно эволюционировать и заставляют развиваться посредством чередования «прыжков», «рывков», периодов напряженности, когда этот народ пытается нагнать упущенное время, и периодов «застоя», необходимых для гармонизации приобретенных инородных черт, сочленения их с традиционно органическими правилами жизни. Такой тип «скачущей эволюции» растрчивает национальные силы, разрушает традицию и, в конечном счете, ведет к гибели нации.

Варвар как фигура общемирового масштаба

Отдельные черты дихотомии «цивилизация – варварство» эволюционировали на протяжении всей истории человечества, сохраняя при этом главное свое качество – эгоцентрическое обоснование особого положения европейской модели развития, предназначенной стать образцом для всех остальных народов. Были выработаны характеристики, которые, меняясь в конкретных деталях, оставались неизменными по своей сути.

К таковому относится прежде всего посыл «цивилизационного превосходства» европейской культуры, который оформляется

как идея безальтернативного линейного прогресса. На одном полюсе этой шкалы лежит «цивилизованность», на другой – «варварство». Критерием выступает отсутствие подобия европейской организации жизни у других народов. Квинтэссенцию данной позиции можно найти у испанского иезуитского миссионера XVI в. Жозе де Акосты, сопровождавшего экспедиции в Новый Свет, который обосновал состояние варварства местного населения как результат того, что «индейцы не имеют ни законов, ни царя, ни постоянного жилища, но ходят стадами, как дикие животные и дикари» [Browden 2012, 273].

Поскольку туземцы подобны детям и, к тому же, у них отсутствует «хорошее воспитание», то из этого выводилась другая константа – о том, что они нуждаются в постоянном внешнем водительстве со стороны более просвещенных наций. Наставничество исторически могло принимать различные формы – от работоторговли до современных структур внешнего управления, которое предусматривает обучение местных элит, призванных в дальнейшем переформатировать культурные модели поведения внутри страны. Методы проведения указанных действий также варьировали от использования туземцев в качестве дешевой рабочей силы до физического истребления «дикарей» и «варваров», как поступили с индейцами в Новом Свете. Безнравственность подобных акций не осуждается даже в рамках либерального дискурса. По этому поводу Дж.Ст. Милль в эссе «О свободе» пишет о том, что «деспотизм – законный метод управлять варварами, если цель – благая и действительно достигается» [Милль 1993, 12]. Как свидетельствуют современные американские исследователи, постулаты отца либерализма о «пользе военных интервенций» сохраняют свою актуальность и для современной американской политики [Doyle 2015].

Что касается идеи опеки и покровительства над «малыми сими», то она оформилась сначала как европейский мессианизм христианского толка, а затем легко переросла в политику колониализма и неоколониализма. При этом сложилось устойчивое евроцентричное представление о том, что мир делится на сферы, в первом круге которых располагается прогрессивный цивилизованный европейский мир, за ним следует ряд стран,

близких по структуре и ценностям к европейской модели, а далее царят варварство и дикость. В современном варианте эта теория, рожденная еще в XIX в., воскресает в новой терминологии, согласно которой государства делятся на «премодерные», государства модерна и постмодерна. Место «дикарей» и «варваров» занимают «страны-неудачники», и, как уже говорилось выше, «государства-изгои», «государства-бандиты», государства с «девиантным, отклоняющимся поведением» («*états-voyous*», «*états-brigands*», «*rogue states*») [Assayag 2005, 86]. Лексика умышленно криминализуется. Все это позволяет легитимировать смену правительств и режимов в «отсталых» странах в силу необходимости предотвратить и ликвидировать угрозу «цивилизации».

Риторика вражды и «столкновения цивилизаций» доходит до своего апогея в появлении термина «враг человечества», которым обозначаются целые страны. Таким образом противостояние «цивилизации» «варварству» получает предельный антропологический смысл отпадения от Человечества. Формируется парадоксальная идеология, когда приемлемой оказывается война и уничтожение от имени цивилизации и прогресса, что ставит под сомнение саму гуманность идеи прогресса и цивилизации.

Заключение

Современный этап развития человечества подошел к той черте в своем развитии, когда обострение противостояния «цивилизации» «варварству» поставило мир на грань выживания как следствие так называемого «конфликта цивилизаций». Однополярная форма глобализации, в которой превалирует гегемония одной сверхдержавы, считающей свои ценности исключительными и единственно приемлемыми для всего остального человечества, обостряет проблему сохранения национальной идентичности в странах менее развитых в промышленном и военном отношении. Война с варварством *от имени* цивилизации противоречит гуманистическому смыслу идеи восходящего развития, т.е. самой сути культуры и цивилизованности. Естественной реакцией

государств в этих условиях становится нарастающее стремление к «реконструкции идентичности» [Ferry 1998], которое образует новую историческую тенденцию в Европе, на Востоке, в странах Африки и в Латинской Америке, где рождаются такие экспериментальные культурно-исторические идеи, как идея «государства-цивилизации» [Багдасарян 2009; Якунин 2012; Jacques 2011; Jacques 2012]. Сегодня к новому типу государственности причисляют себя Китай, Россия, Индия, Бразилия, т.е. те регионы мира, которые главным основанием самосохранения считают отстаивание суверенитета и создание многополярного полицентричного мира, где возможно существование разных и равноценных культурных моделей национального развития.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Багдасарян 2009 – Багдасарян В.Э. Россия как государство-цивилизация // Геоэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме. – М.: Научный эксперт, 2009. С. 102–106.

Милль – Милль Дж.Ст. О свободе / пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10–15.

Платон 1990 – Платон. Кратил // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. С. 383–440.

Платон 1994а – Платон. Тимей // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. С. 421–501.

Платон 1994б – Платон. Политик // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1994. С. 3–70.

Трубецкой 1995 – Трубецкой Н.С. Европа и человечество // Трубецкой Н.С. История. Язык. Культура. – М.: Прогресс, 1995. С. 55–104.

Фуко 2005 – Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. – СПб.: Наука, 2005.

Фукуяма 2006 – Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: АСТ, 2006.

Элиас 2001 – Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

Якунин 2012 – Якунин В.И. Россия – это государство-цивилизация. – URL: <http://politwar.ru/yakunin-rossiya-to-gosudarstvo-tsvivilizatsiya.html> (дата обращения: 16.02.2020).

Assayag 2005 – *Assayag J.* Quand guerre et paix s'emmêlent. Géopolitique des espaces imaginaires contemporains // *Cités*. 2005. N° 24. P. 85–102.

Bowden 2012 – *Bowden B.* Civilization and Savagery // *The Ashgate Research Companion to Regionalisms* / ed. by T. Shaw, A. Grant, S. Cornelissen. – Farnham: Ashgate, 2012).

Diène 2009 – *Diène D.* Crise identitaire du monde occidentale // *Revue internationale et stratégique*. 2009. N° 3. P. 93–100.

Dhume 2019 – *Dhume F.* Civilisation vs Barbarie, métaphore raciste d'un appel à la guerre identitaire ? // *Sens-Dessous*. 2019. N° 24. P. 25–34.

Doyle 2015 – *Doyle M.* The Question of Intervention John Stuart Mill and the Responsibility to Protect. – New Haven, CT: Yale University Press, 2015.

Jacques 2011 – *Jacques M.* Civilization state versus nation-state // *Süd-deutsche Zeitung*. 2011. January 15. – URL: <http://www.martinjacques.com/articles/civilization-state-versus-nation-state-2/> (дата обращения: 19.02.2020).

Jacques 2012 – *Jacques M.* China is a Civilization State // *The Economic Times*. 2012. July 9. – URL: <http://www.martinjacques.com/when-china-rules-the-world/china-is-a-civilization-state/> (дата обращения: 15.02.2020).

Mattéi 2004 – *Mattéi J.-F.* L'Europe et la barbarie // *La barbarie intérieure. Essai sur l'immonde moderne* / sous la direction de J.-F. Mattéi. – Paris: PUF, 2004. P. 85–116.

Mélandri 2016 – *Mélandri, P.* Le déclin de l'empire américain? // *La fin des Empires*. – Paris: Perrin, 2016. P. 449–469.

Ferry 1998 – *Ferry J.-M.* Identité postnationale et identité reconstructive // *Toudi mensuel*. Mai 1998. N° 11. – URL: <http://www.larevuetoudi.org/fr/story/identite-postnationale-et-identite-reconstructive> (дата обращения: 28.01.2020).

REFERENCES

Assayag J. (2005). Quand guerre et paix s'emmêlent. Géopolitique des espaces imaginaires contemporains. *Cités*. Vol. 24, no. 4, pp. 85–102 (in French).

Bagdasaryan V.E. (2009) Russia as a Civilization-State. In: *Geo-Economical Formula of the World Order: Russia in New Universe* (pp. 102–106). Moscow: Nauchnyy ekspert (in Russian).

Bowden B. (2012) Civilization and Savagery. In: Shaw T., Grant A., & Cornelissen S. (Eds.) *The Ashgate Research Companion to Regionalisms*. Farnham: Ashgate.

Diène D. (2009). Crise identitaire du monde occidentale. *Revue internationale et stratégique*. Vol. 75, no. 3. pp. 93–100 (in French).

Dhume F. (2019) *Civilisation vs Barbarie, métaphore raciste d'un appel à la guerre identitaire ? Sens-Dessous*. Vol. 24, pp. 25–34 (in French).

Doyle M. (2015). *The Question of Intervention John Stuart Mill and the Responsibility to Protect*. New Haven, CT: Yale University Press.

Elias N. (2001) *The Civilizing Process. Vol. 1: The History of Manners*. Moscow: Universitetskaya kniga (Russian translation).

Ferry J.-M. (1998, May). *Identité postnationale et identité reconstructive. Toudi mensuel*. No. 11. Retrieved January 28, 2020 from [http://www.larevue-toudi.org/fr/story/identité-postnationale-et-identité-reconstructive](http://www.larevue-toudi.org/fr/story/identite-postnationale-et-identite-reconstructive) (in French).

Foucault P.-M. (2006) *Society Must Be Defended*. Moscow: AST (Russian translation).

Fukuyama F. (2004) *State-Building: Governance and World Order in the 21st Century*. Ithaca, NY: Cornell University Press (Russian translation: Moscow: AST, 2006).

Jacques M. (2011, January 15) *Civilization State versus Nation-State. Süddeutsche Zeitung*. Retrieved 19, 2020 from <http://www.martinjacques.com/articles/civilization-state-versus-nation-state-2/>

Jacques M. (2012, July 19). *China is a Civilization State. The Economic Times*. Retrieved February 15, 2020 from <https://economictimes.indiatimes.com/opinion/interviews/china-is-a-civilisation-state-martin-jacques-journalist-writer/articleshow/15037969.cms>

Mattéi J.-F. (2004) *L'Europe et la barbarie*. In: Mattéi J.-F. (Ed.) *La barbarie intérieure. Essai sur l'immonde moderne* (pp. 85–116). Paris: PUF (in French).

Mélandri P. (2016) *Le déclin de l'empire américain?* In: Gueniffey P. & Lentz T. (Eds.) *La fin des Empires* (pp. 449–469). Paris: Perrin (in French).

Mill J.S. (1993) *On Liberty. Nauka i zhizn'*. No. 11, pp. 10–15 (Russian translation).

Plato (1990). *Cratylus*. In: Plato. *Collected Works in 4 Vols.* (Vol. 1, pp. 383–440). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Plato (1994a). *Timaeus*. In: Plato. *Collected Works in 4 Vols.* (Vol. 3, pp. 421–501). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Plato (1994b). *Statesman*. In: Plato. *Collected Works in 4 Vols.* (Vol. 4, pp. 3–70). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Trubetskoy N.S. *Europe and Humanity*. In: Trubetskoy N.S. *History. Language. Culture* (pp. 55–104). Moscow: Progress (in Russian).

Yakunin V.I. (2012) *Russia is a Civilization-State. State-civilization*. In: *Politika i vojna*. Retrieved January 30, 2020 from <http://politwar.ru/yakunin-rossiya-to-gosudarstvo-tsvilizatsiya.html> (In Russian).